ТРОЕ В ПАРИЖЕ

Рута Файн

Трое в Париже

«Автор»
2026

Файн Р.

Трое в Париже / Р. Файн — «Автор», 2026

На фоне гулких улиц, запаха свежего багета и вечного парижского дождя разворачивается негромкая драма о внезапном взрослении, о тяжести чужой ответственности, которая становится твоей собственной, и о том, что настоящий дом — это не точка на карте, а люди, которым ты вдруг становишься жизненно необходим.

© Файн Р., 2026
© Автор, 2026

Рута Файн
Трое в Париже

Ян

В его квартире на улице Тюренн пахло мокрым картоном и остывшим кофе. Ян сидел на подоконнике, поджав под себя одну ногу, и смотрел, как дворник Луи методично сметает желтые листья в аккуратную кучу. Луи делал это каждое утро в восемь пятнадцать, даже если листьев не было. Он просто водил метлой по сухому асфальту, создавая иллюзию порядка.

Ян завидовал Луи.

У дворника была метла, маршрут и цель. У Яна была пустая картонная коробка из-под монитора, которую он переставлял из угла в угол уже третий день.

Вчера ушла Лора. Она не хлопала дверью, не била посуду и не собирала вещи с театральной яростью. Просто села на край их двуспальной кровати, где одна половина матраса уже три месяца оставалась холодной, и сказала ровным голосом:

— Я сняла студию на Пернери. Там есть окно в ванной. Я всегда мечтала об окне в ванной.

Ян тогда кивнул и спросил, нужно ли ей помочь донести коробки. Лора посмотрела на него так, как смотрят на неудачный набросок в скетчбуке — с легкой досадой — и ответила, что вызвала грузчиков.

Грузчики приехали в десять утра. Они двигались по квартире, как вежливые носороги, не задевая плинтусы. Ян сидел на этом самом подоконнике и пил остывший кофе. Он слышал, как они выносят ее жизнь: стеллаж из «Икеи», коллекцию синих чашек, гладильную доску, запах ее шампуня с имбирем. Когда они вынесли последнее — ее велосипед, — в квартире стало гулко.

Теперь здесь пахло только картоном.

Ян сполз с подоконника. Босые ноги коснулись ледяного паркета. Он прошел на кухню, налил воды в электрический чайник и прислонился лбом к холодному стеклу дверцы холодильника. На магните, который они купили на блошином рынке в Сен-Уане — облупившаяся Эйфелева башня, — под собственным весом медленно клонился набок одинокий магнит-пицца.

Телефон завибрировал в кармане джинсов, брошенных на стул.

Номер не определился.

Ян сбросил вызов. Через минуту пришло сообщение.

«Это Матильда. Твоя соседка сверху. У тебя случайно не капает с потолка в ванной? У меня по стене течет что-то ржавое».

Ян посмотрел на потолок. Потолок был девственно белым. Он не капал.

Ему бы написать «Нет, извините». Поставить точку и вернуться к своей коробке. Но пальцы сами набрали ответ:

«Это не ржавое. Это чай. Эрл Грей. У меня упал чайник. Прямо на ногу».

Он не врал. Чайник он действительно уронил. Вчера. На ногу — нет. Но сейчас, глядя на экран, он вдруг почувствовал, как большой палец на левой ноге начинает предательски ныть.

Сообщение осталось непрочитанным. Ян положил телефон экраном вниз.

Он вернулся в комнату, взял коробку, отнес ее в коридор и поставил рядом с входной дверью. Потом прошел в ванную. Открыл кран. Вода ударила в фаянс раковины слишком громко. Он плеснул в лицо, вытерся жестким полотенцем и посмотрел на свое отражение.

Тридцать четыре года. Легкая небритость, которую Лора называла «трехдневной тоской». Мешки под глазами цвета остывшего асфальта.

Телефон снова завибрировал.

«Эрл Грей — это мой любимый. У меня есть мазь. И пластырь. И я только что сварила луковый суп. Спускайся. 4Б. Если не придешь, я принесу суп в термосе. Будет неловко».

Ян посмотрел на свои босые ноги. На картонную коробку в коридоре, выключил свет в ванной. Прошел в коридор, накинул на плечи первую попавшуюся куртку — она пахла Лориным имбирем — и тихо закрыл за собой дверь. На площадке четвертого этажа стояла женщина. В руках она держала не термос, а обычную эмалированную кастрюлю, обмотанную вафельным полотенцем. На ней был застиранный махровый халат в мелкий голубой цветок.

— Я передумала насчет супа, — сказала она вместо приветствия. — Суп — это слишком драматично. У меня вчерашнее пюре и две котлеты. Котлеты пережарены, предупреждаю сразу.

— Я люблю пережаренные, — сказал Ян.

Матильда посторонилась, пропуская его в квартиру.Здесь пахло озоновой лампой, старым деревом и немного — валерьянкой.

— Разувайся, — скомандовала она. — У меня идеальная чистота. То есть нет, но я ее планирую.

Ян снял кроссовки. Его носки были разными — один черный, другой в полоску. Он спрятал ногу в полосатом носке за щиколотку другой ноги.

Они ели на кухне, которая была в два раза меньше его собственной. Пюре было комковатым, а котлеты — твердыми, как хоккейная шайба. Ян макал котлету в пюре и думал, что это, пожалуй, самая вкусная еда, которую он ел за последний год.

— Лора? — спросила Матильда, кивая на его куртку, брошенную на спинку стула.

— Да.

— Окно в ванной?

— Да.

Матильда тяжело вздохнула и налила ему чай. В щербатой чашке.

— Все они уходят к окнам в ванной, — философски заметила она. — Мой второй муж ушел к женщине, у которой был балкон с видом на крематорий. Сказал, это очень медитативно.

Ян поперхнулся чаем.

— Прости, — спохватилась Матильда. — Я всегда говорю слишком много, когда нервничаю. Я вообще-то не приглашаю соседей поесть котлет. Обычно я кидаю в их двери записки с требованием убавить звук.

— Я не шумлю, — сказал Ян.

— Ты капаешь, — она ткнула в него вилкой. — Эрл Греем. Я слышала, как упал твой чайник. У меня очень тонкие перекрытия. И очень чуткий слух на чужое отчаяние.

Она замолчала. Ян смотрел на ее руки — маленькие, с коротко стриженными ногтями, на которых облупился прозрачный лак.

— У меня завтра приедет сестра, — вдруг сказала Матильда. — Из Бреста. Она на седьмом месяце. Ей нужно где-то перекантоваться неделю, пока ее муж сдает на права. У меня есть диван. Но если на него лечь, он издает звук умирающего селезня. Я не хочу, чтобы моя племянница родилась под звук умирающего селезня.

Ян перевел взгляд с ее рук на свою куртку.

— У меня в гостиной стоит нормальный диван, — сказал он. — Он молчит.

— И пахнет имбирем? — уточнила Матильда.

— Пока да.

Матильда посмотрела на кастрюлю с остатками пюре, потом на Яна.

— То есть ты предлагаешь мне, практически незнакомой женщине, которая угрожала тебе плеснуть луковым супом, переехать к тебе жить? Со своей сестрой-уточкой?

— Уточка — это лучше, чем окно в ванной, — сказал Ян.

Матильда рассмеялась. Смех у нее был громкий, неженский, похожий на карканье вороны. Она смеялась так искренне, что у Яна впервые за три месяца что-то отпустило под ребрами.

— Ладно, — сказала она, вытирая выступившие слезы. — Поехали за твоей сестрой. Только заедем в аптеку. Мне нужен пластырь. Кажется, я натерла ногу, пока несла эту кастрюлю.

Ян посмотрел на ее ногу. На полу под столом валялся скомканный пластырь.

Он встал, подошел к ней, опустился на одно колено и взял ее стопу в свои ладони. Кожа была горячей.

— Давай я, — сказал он и аккуратно приклеил пластырь на покрасневшую пятку.

В подъезде по-прежнему пахло хлоркой. Но теперь этот запах не казался Яну запахом одиночества. Он пах началом. Самым обычным, немного нелепым, пахнущим пережаренными котлетами и валерьянкой, но настоящим.

Когда они вышли на улицу, дворник Луи как раз закончил свою работу. Он оперся на метлу и закурил, с удовлетворением глядя на абсолютно чистый тротуар.

Ян на секунду замер, а потом улыбнулся. Порядок был восстановлен.

Сестра Матильды приехала на следующий день. Ее звали Сандрин, и она действительно походила на встревоженную утку. Огромный живот, перекатывающийся под цветастым сарафаном, две туго заплетенные косички, которые делали ее похожей на школьницу, и огромные, полные вселенской паники глаза. — Он сказал, что если я буду его отвлекать, он провалит параллельную парковку в пятый раз, — выпалила она с порога вместо приветствия, передавая Матильде сумку размером с саму Сандрин. — И пригрозил заблокировать мою карту. Я взяла зубную щетку, книжку про дыхание в родах и три килограмма бретонского печенья.

Где я могу лечь и начать паниковать?Матильда подтолкнула ее в сторону двери Яна. — Там. Хозяин дома натер тебе ногу. Он надежный. Почти как Луи с метлой.Ян, услышав это через стену, покраснел. Он как раз пытался запихнуть Лорины зимние свитера на самую верхнюю полку шкафа. Они пахли имбирным шампунем уже не так навязчиво, а скорее — прошлым Рождеством. Выбросить их рука не поднималась. Свитера были синими. Синий Лора любила больше, чем его самого.Сандрин вошла в гостиную, тяжело опустилась на краешек того самого молчаливого дивана и обвела комнату взглядом ревизора.— У тебя нет штор, — констатировала она. — Я могу купить шторы, — осторожно предложил Ян.— Купи бежевые. И желательно блэкаут. Чтобы я могла спать днем, когда этот маленький тиран внутри меня наконец затихает.

Так Ян впервые за десять лет пошел покупать шторы.Он стоял перед стойкой с текстилем, совершенно парализованный. Бежевых оттенков было сорок три.Сфотографировав каждый на телефон, вышел на парковку, сел на бордюр и позвонил Матильде.— Сандрин хочет шторы, — сказал он в трубку. — Здесь есть «светлый песок», «утренний капучино» и «экрю». Что из этого не вызовет у младенца психологическую травму?— Возьми «капучино», — не задумываясь, ответила Матильда. — Ян купил «утренний капучино».И карниз. И дрель, потому что старая дрель Лоры осталась у нее в ванной. Когда он вернулся, Сандрин спала на диване, раскинув руки и оглушительно храпя. Рядом с ней, свернувшись калачиком, лежала Матильда.

Она не храпела. Она просто дышала — ровно и спокойно, положив ладонь на огромный живот сестры, словно успокаивая шторм в океане. Ян поставил пакеты на пол, взял кухонное полотенце, намочил его под краном и очень осторожно, чтобы не разбудить, положил Сандрин на лоб. Она что-то пробормотала во сне, почмокала губами и подтянула ноги. Полотенце тут же сползло. — Выглядит жалко, — шепотом сказала Матильда, не открывая глаз. — Он повесил шторы. Это оказалось на удивление просто. Дрель вгрызалась в бетон с яростью голодного зверя, и этот звук — *вжжж, вжжж* — казался Яну самым правильным звуком в мире. Он не вешал шторы со студенческих времен,да и вообще давно ничего не вешал,а только складывал: вещи в коробки, слова в вежливые письма, свою жизнь в аккуратную стопку, которую Лора унесла в студию на Пернери.К вечеру квартира изменилась. Бежевая ткань поглотила эхо. В гостиной стало темно и невероятно уютно. Сандрин проснулась, съела половину купленного

Яном багета с камамбером и объявила, что теперь они будут смотреть старые французские комедии, потому что смех полезен для плода.Они сидели втроем на диване. Сандрин посередине, как императрица. Матильда с одной стороны, Ян — с другой.

На экране Луи де Фюнес убегал от жандармов. Сандрин хохотала так, что диван под ними действительно издал тихий, жалобный скрип, похожий на вздох. — Не селезень, — с облегчением сказала Матильда. — Скорее, старая калоша. В самый смешной момент, когда де Фюнес застрял в заборе, Сандрин вдруг замерла. Смех застрял у нее в горле. Она медленно опустила руку на живот.— Ой, — тихо сказала она. — Кажется, он тоже смотрит.Ян затаил дыхание. Матильда накрыла ладонь сестры своей. Они сидели так целую минуту. Три человека и один невидимый зритель в темноте гостиной.

Ян смотрел на профиль Матильды — на то, как в полумраке ресницы отбрасывают тени на ее щеки, — и чувствовал, как внутри него что-то расправляется. Как мятая рубашка под утюгом. Это было больно,ведь утюг обычно горячий. Но это было необходимо.— Он пинается, — прошептала Сандрин.

Ночью Ян не мог уснуть. Он лежал на надувном матрасе, который постелил себе в коридоре, чтобы не мешать сестрам. Из приоткрытой двери гостиной лился синий свет уличного фонаря.

Сандрин снова храпела, но теперь этот звук казался Яну не шумом, а якорем. Знаком того, что дом — место, где кто-то дышит рядом.Он тихо встал, прошел на кухню. Достал из холодильника две котлеты. Они были холодными и твердыми. Ян положил их на сковороду. Масло зашипело, и по квартире снова поплыл запах — не имбиря, не картона, а жареного лука. Обычного, земного, спасительного запаха.В дверном проеме появилась Матильда.

Она куталась в старую клетчатую рубашку, которую он когда-то оставил на стуле в ее квартире. — Тебе не досталось, — сказал Ян, кивнув на сковороду.— Я не за котлетой, — она подошла ближе. — У тебя на щеке след от подушки. Выглядит как карта Австралии.Ян потрогал щеку. — Я смотрел на тебя, пока ты спала, — вдруг сказал он. Голос прозвучал хрипло. — Когда ты положила руку на ее живот. Ты выглядела так, будто держишь в руках весь мир и он у тебя не падает.Матильда не улыбнулась. Она смотрела на него очень серьезно, как тогда, в своей кухне, когда угрожала супом. — Это не мир, Ян.

Это просто ребенок моей сестры. Мой второй муж забрал с собой даже кота. Она сделала шаг вперед, протянула руку и осторожно, кончиками пальцев, стерла «Австралию» с его щеки. — Поэтому мы будем жарить котлеты,

— Будем вешать шторы, которые пахнут строительным магазином. И слушать, как храпят беременные. Потому что пустоту нужно чем-то заполнять. Хотя бы шумом. Хотя бы запахом лука.Ян накрыл ее ладонь своей. Рука была теплой. Гораздо теплее остывающей котлеты на сковороде. — Оставь рубашку себе, — сказал он. — Она все равно пахнет твоим валерьяновым чаем. Матильда фыркнула, но ладонь не убрала. За окном, ровно в восемь пятнадцать, дворник Луи начал мести и без того чистый тротуар. Но впервые за долгое время этот звук не вызвал у Яна желания спрятаться под одеяло. Луи просто делал свою работу. А Ян, кажется, наконец начал делать свою — слушать чужое дыхание и жарить котлеты.

Утро вторника началось с того, что Сандрин объявила забастовку. Она сидела на кухне в рубашке,которая теперь едва сходилась на ее животе, и смотрела на сковородку с антипригарным покрытием взглядом прокурора.— Я не буду это есть, — сказала она, тыкая вилкой в идеальный омлет, который Ян готовил, сверяясь с видео на YouTube. — В нем нет души. Твой омлет слишком самодостаточный. Дай мне вчерашние пережаренные котлеты.

Матильда, которая пыталась запихнуть в стиральную машину пододеяльник (он заглатывал его, как удав), остановилась и вытерла пот со лба.— Сандрин,ешь омлет. — Я хочу соленый огурец с медом, — захныкала Сандрин. — Или пепси-колы с зубной пастой. Мой муж был прав, я — чудовище. Она заплакала.

Это был не тихий, интеллигентный плач Матильды, а настоящий, громкий, с всхлипами и икотой, от которого, казалось, должны были дрожать стекла. Ян замер с лопаткой в руке. В его прошлой жизни, когда Лора была расстроена, он просто молча выходил из комнаты. Но сейчас за спиной была беременная женщина, которая плакала над его кулинарным провалом. Он положил лопатку,вытащил из холодильника банку маринованных корнишонов и банку акациевого меда. — Мы будем есть это вприкуску, — решительно сказал Ян. — Это будет называться «бретонский фьюжн». Сандрин перестала икать. Она посмотрела на корнишон, щедро политый медом, который Ян протягивал ей на вилке, как драгоценность. — Это отвратительно, — сказала она, но рот открыла. Это было действительно отвратительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.